

Леон Зак (1892-1980)

Ирина Зак
(Ванв, Франция)

Перевод с французского
Михаила Пархомовского*
(Бейт-Шемеш, Израиль)

Маленький сутулый человек переходит улицу, направляясь в свое ателье, — это мой отец, Лев Васильевич Зак. Таким он остался в моей памяти. О его детстве и юности я могу рассказать только то, что слышала от других. Сам он об этом времени вспоминал мало, разве что некоторые забавные эпизоды: будучи человеком сегодняшнего дня, он не любил ворошить прошлое. Отец отличался уравновешенным характером, веселым нравом, богатым воображением, пылким умом и возвышенным духом. Плохое настроение у него бывало только в двух случаях — когда он не находил выхода из очередного денежного кризиса или когда у него возникали сомнения в достоинствах картины, которую он писал.

Его мать Розалия Моисеевна Российская в своем первом браке — с доктором Франком — родила троих детей: Софью,

*Благодарю Марину Генкину за литературную редакцию и помощь в переводе специальных терминов и оборотов. — М.П.

Л. Зак. Автопортрет. Пастель

Семена (ставшего философом) и Михаила. Оставшись вдовой, она вышла замуж за фармацевта Василия Ивановича Зака, который десять лет пробыл в Сибири. У них родился только один сын Лева – мой отец. Он был очень привязан к старшим детям, особенно к Семену, который оказал на него большое влияние. Веселый и увлекающийся, Лев всегда был заводилой в среде сверстников. В подмосковной деревне, где проходили его летние каникулы, он организовывал небольшие спектакли и шарады. Эта праздничная и радостная атмосфера его жизни в России до 1914 года хорошо описана Б.Н.Лосским*.

Отец начал рисовать очень рано и решил стать художником уже в десятилетнем возрасте. Впервые он выставил свои работы в 1907 году в Салоне московских художников. Тогда же он начал мечтать о поездке в Париж – там он хотел учиться живописи. Как многие русские художники того времени, он был также поэтом и колебался в выборе одного из этих способов самовыражения. Он вращался в авангардистских кругах и был близок к футуристам, следовавшим Маринетти**.

"...В то время, – писал отец, – я, студент филологического факультета, был в равной степени и художником и поэтом. Вместе с Шершеневичем мы издавали небольшой журнал, называвшийся 'Мезонин поэзии', который просуществовал только шесть месяцев. Там я публиковал стихи под именем Хрисанфа и прозу под псевдонимом Россианский, так же были подписаны и четыре литературных манифеста. Обложки были тоже плодом моего труда. 'Мезонин поэзии' был скорее футуристическим, хотя выглядел как журнал символистов. Финансировать издание помогали Брюсов и Северянин"¹.

Роман Яacobсон, его товарищ по гимназии, вспоминал: "...Мы все лихорадочно спешили основывать и издавать журналы. От Льва Зака я получил первый и, может быть, единственный экземпляр его периодического издания, который незадолго до этого был напечатан им и его друзьями. Эта небольшая тетрадь помнится мне лишь своими иллюстрациями к 'Невскому проспекту' Гоголя, иллюстрациями необычными, порожденными причудливой фантазией Льва Зака. Когда позднее, в 1913 году, в канун войны, на фоне общей творчес-

* См. ЕВКРЗ. Т.3. С.120.

** Филиппо Маринетти (1876-1944), итальянский писатель, родоначальник и теоретик футуризма, впоследствии сподвижник Муссолини.

кой активности появились номера 'Мезонина поэзии', вдохновленные футуризмом, поэмы Леоны Зака, подписанные 'Хрисанф', были тотчас же замечены. Что же касается его резких и вызывающих эссе в прозе, то они оставили некоторый след в поэзии Пастернака и Маяковского"².

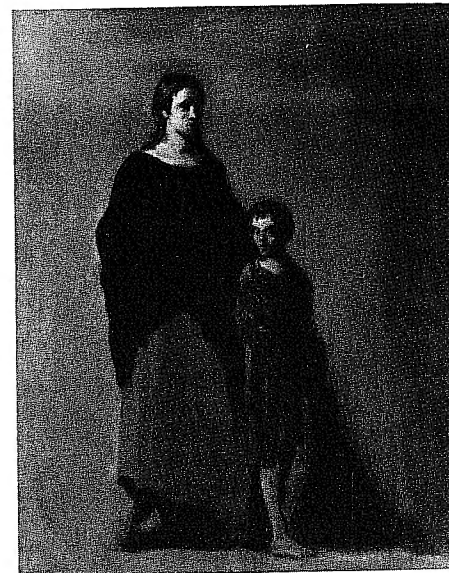
В конце концов Леон Зак решает посвятить себя живописи, продолжая писать, но не публикуясь, чтобы исключить разговоры о том, что он художник, пишущий плохие стихи, или поэт, пишущий плохие картины.

Мои собственные воспоминания об отце начинаются только с периода нашего пребывания во Флоренции (1921 год – М.П.). Четкий образ отца создался у меня значительно позже, когда мы переехали в Париж (1924 год – М.П.).

Мне было, наверное, лет десять, когда по воскресеньям он водил меня в Лувр. Я иногда позировала отцу; должна признаться, это казалось очень скучным.

Чтобы занять моего брата, который часто болел, отец сооружал из картона и шпагата "комнатные" фуникулеры и телефоны. Он умел "играть" на ложках, подвешенных на веревочках, объясняя нам, что мы слышим колокольный звон московских церквей. Вместе с нами он делал игрушки для рождественской елки, которую, по семейной традиции, устраивали каждый год без всякой связи с религиозными праздниками. Мне вспоминается маленький персонаж женского пола – "луковая дама", бюст которой он делал из луковицы. По прошествии какого-то времени луковица, согретая горящими свечами, прорастала, и из бюста дамы высовывались красивые зеленые стрелки...

Мы жили в очень тяжелых материальных условиях, и у

Л. Зак. Мать и дитя

родителей не было возможности покупать нам игрушки. В качестве компенсации отец писал для нас небольшие юмористические стихи. Должна признаться, что альбомы с этими стихами, которые отец же иллюстрировал, были для меня гораздо менее интересны, чем настоящие игрушки...

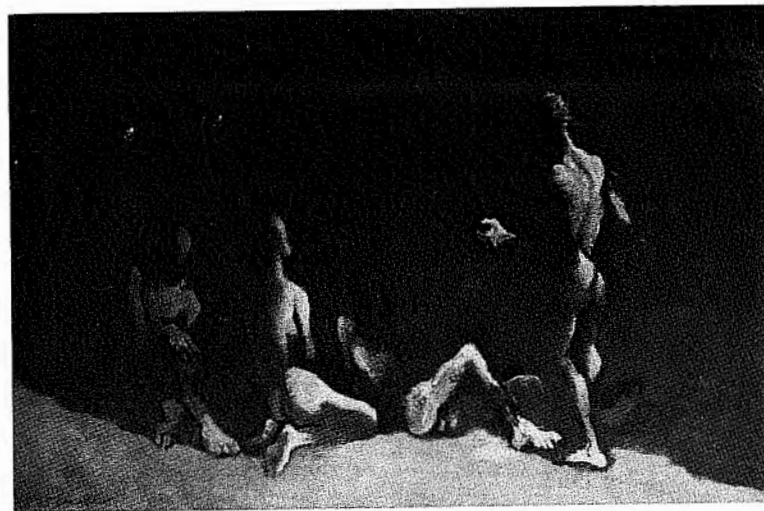
В 1926-1928 годах, если я не ошибаюсь, отец был президентом Общества русских художников в Париже, которое ежегодно устраивало костюмированные балы в Зале Бюлье. В тот год, когда бал был назван "жюльверновским", отец просил нас с братом сделать рисунки. Потом их увеличили и украсили ими зал. Наши декорации, как оказалось, имели большой успех. Что касается отца, то он, чтобы дополнить свой костюм денди, нарисовал себе тушью монокль вокруг глаза.

Отец не был завсегдатаем Монпарнаса, но появлялся там нередко — один или с моей матерью; иногда они брали меня с собой. Он там встречался со многими художниками парижской школы. Большинство из них были русскими евреями. В их числе Мишонц, Шаршун, Пуни, Любич, Боберман, Пикельный, Фальк, Морис Блонд; Рыбак, который жил в нашем доме. К нам часто заходил Шейхель — очень талантливый художник, но с большими странностями. Во время войны он был депортирован и уже не вернулся. Принимали мы у себя и Мане-Каца. Но самым близким другом, оставшимся таковым до конца, стал очень чуткий и эрудированный художник Филипп Гозиасон, прекрасный собеседник, блестящая речь которого была полна парадоксов, настоящий фейерверк!

Начиная с нашего приезда в Париж живопись отца, в которой раньше чувствовалось влияние Италии, все более и более "офранцузивается". Он пишет городские пейзажи, улицы с подчеркнутой перспективой, цирковые сцены, людей в открытых кафе. С высоты своих восьми лет я пускалась в критику, требуя от художника больше деталей: "Надо, чтобы видны были жемчужины в колье дамы, что сидит за столом!"

Постепенная эволюция Леона Зака привела его к 1933 году в группу художников-неогуманистов, вдохновителем которой был критик Вольдемар Жорж. Вот что тогда писал журналист Поль Фиренс:

Речь шла не о том, чтобы обозначить или описать фигуру человека, позу, лицо или пейзаж, а о том, чтобы зафиксировать определенное чувство, эмоцию. Рука только регист-

Л. Зак. Заключенные. 1937 г.

рировала то, что порождено разумом, ощущением, страстью. Это перевод внутреннего мира во внешний образ. Его труд — это спонтанная экстериоризация³.

В постоянных поисках более совершенного живописного выражения Леон Зак шел по пути все большего упрощения силуэтов и воображаемых портретов своих персонажей. Он сводил свою палитру к некоей симфонии серого с редкими вспышками света. От занимательного рассказа оставлял только суть, квинтэссенцию, двигаясь в направлении все более аскетического экспрессионизма.

...Леон Зак понимает истинную природу тайны, которая не есть абсурд, противоречащий здравому смыслу, но нечто неуловимое и недоступное человеческому разуму. И это значит, что художник постиг природу человека в ее универсальной сущности. Он вызывает в зрителе идею, ощущение пространства и очень реальное чувство движения к бесконечности. Сдержанность колорита, сознательно ограниченного черным и белым, охрой, умброй, изумрудной зеленью и ультрамарином, где вспышки резкого света приглушаются, создает удивительный полумрак с таинственно вспыхивающими зарницами⁴.

Странная вещь – некоторые из его картин 1938-39 гг. с группами людей в мрачном сером цвете как бы предсказывают мир концентрационных лагерей, сам отец, к своему удивлению, осознал это значительно позже.

И вот 1939 год. Война. Бегство. Сначала в Аркашон, где, чтобы как-то существовать, мы раскрашивали платки по эскизам отца, и он каждую неделю ездил их продавать в Бордо. Позднее мы оказались в Вильфранш-сюр-Мер, около Ниццы, где мы встретились с укрывавшимся там Филиппом Гозиасоном и его женой. Потом пришлось жить под фальшивыми документами, и просто чудо, что нас не арестовали в Гренобле: множество раз нас чуть не настигла эта участь, как, например, в день, когда немцы пришли за семьей Сегалов, а мы жили в том же доме под фамилией Сеги. В 1943 году мы были в горах Изера, где мой брат принимал участие в Сопротивлении.

В 1940 году мы, как и многие другие, потеряли французское гражданство, с такой радостью полученное нами в 1938 году (по окончании войны нам его вернули). После публикации расистских законов Виши на удостоверениях личности моих родителей были поставлены штампы "Juif"* , и они поняли, что переход в христианство не защитит их от преследования нацистов, что они разделят участь всех евреев. Они оказались свободны в своем решении принять крещение, никого и ничего не предавая. Они всегда горячо желали сближения между евреями и христианами, рассматривая христианство как конечную форму иудаизма и считая, что став христианами, они стали еще более евреями:

Я крестился в 1941 году. Переходя в христианство, я понимал, что не отрекаюсь от своих корней... Я никогда ни от чего не отрекался. Мне кажется, что я в своем еврействе стал как бы более совершенным⁵.

Всю жизнь моих родителей соединяла не только глубокая любовь, но и истинная интеллектуальная общность, общность вкусов и интересов. Так что ничего удивительного не было в том, что мать, многие годы посвятившая духовным поискам, крестилась вместе с отцом.

В годы войны у отца чаще всего не было возможности писать маслом, но он сделал много рисунков тушью и гуашью. Только по возвращении в Париж в 1945 году он смог вернуться к живописи.

* Еврей (фр.).

Материальные трудности предвоенных лет очень повлияли на мое детство и юность. Это не была нищета, но все же настоящая бедность. Когда положение усложнялось, отец становился мрачным и ходил взад и вперед по комнате, сложив руки за спиной. Только после 1955 года, когда отца узнали коллекционеры и продавцы картин, наше положение улучшилось.

В результате медленной эволюции отец пришел к абстракционизму, которому он с тех пор остался верен навсегда, если не считать редких портретных работ, как, например, великолепный портрет моей матери, датированный 1972 г. В нем больше подтекста, чем сказанного прямо.

В аннотации к своей выставке в Брюсселе в 1948 году отец писал:

Я думаю, что художнику нужно лишь расписывать полотно, он не должен ни говорить, ни писать объяснения к своим произведениям, ни добавлять к ним что-либо. Изменю ли я своей профессии, если нарушу этот обет молчания и напишу несколько слов вместо предисловия к выставке моих последних полотен у Луи Манто? Думаю, что ответ должен быть отрицательным – ведь я не намерен объяснять мои картины; я хотел бы представить себя в чисто человеческом плане. Я верю, что Вы, мои брюссельские друзья, которым известна моя эволюция, имеете право узнать и причины, приведшие меня к так называемой нефигуративной живописи. Каким образом художник, в течение многих лет известный как неогуманист, который особенно интересовался образом человека и его лицом, пришел к концепции, кажущейся диаметрально противоположной? Плод ли это душев-

Л. Зак. Дева с Младенцем. 1946 г.

ного беспокойства или отсутствие прочной привязанности к человеческим ценностям и к своему прошлому художественному кредо? Или, что еще серьезнее, не следствие ли это сознательного или подсознательного желания идти за сегодняшней модой? Вот на эти вопросы я хотел бы ответить.

Я никогда не был художником-реалистом. Формы — целовека или другие существующие в природе формы — всегда являлись для меня лишь знаками внутреннего мира или, проще, поводами для создания на полотне более или менее поэтической атмосферы, той атмосферы, которая соответствовала моему глубинному 'я'. И в этом творчестве, которое сохраняло связи с внешним миром, я шел к способу выражения, все более и более лаконичному, когда визуальный объект служил лишь толчком, вызывающим на полотне бурю ритмов и красок. Несколько из представленных здесь полотен являются свидетельством того, что у меня до определенного момента сохранялась привязанность к натуре.

Наконец, однажды я осознал, что остающиеся в моих картинах последние следы внешнего мира стали не нужны и вместо того, чтобы обозначать, они мешают этому обозначению. И с этого момента я понял, что искусство обладает своими собственными средствами для того, чтобы вызвать и обозначить то, что лежит глубоко, и что у художника нет необходимости для выражения чистого чувства запечатлевать видимый мир с его формами и знаками. Таким образом, нефигуративное искусство, существовавшее и до меня, родилось для меня и во мне как созревший плод из всего моего прежнего опыта художника.

Несмотря на явную перемену, я остался верен инстинкту, который вел меня, с одной стороны, к отказу от всех второстепенных элементов, чуждых художественному письму как таковому, с другой стороны, направлял к выражению внутреннего мира.

То, что я раньше пытался передать чертами человеческого лица, теперь заменилось поисками линий, красок, ритмов мазков. Картина перестала быть зеркальным изображением лица, она сама стремится стать лицом. Лицо человека (по крайней мере в моем представлении) есть экспрессия тайны и жизни, которая внутри человека и над ним⁶.

Начиная с 1925 года моя мать не получала известий от своего брата Исая Браудо, органиста и профессора Консерватории, жившего в Ленинграде. И когда появилась возможность возобновить с ним связь, родители отправились в свою первую поездку, за которой последовали и другие:

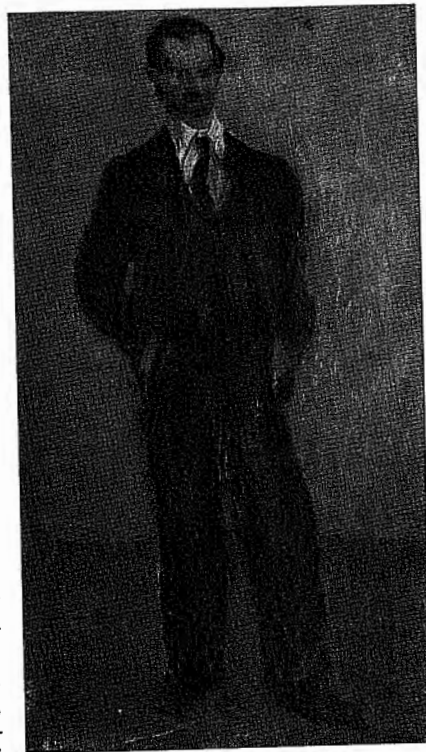
...Мы с женой посетили Россию летом 1960 года. Это было очень волнующее событие — ведь, несмотря на изменения, мы вновь увидели Россию нашей молодости... Хотя, если говорить честно, сегодня я ощущаю себя больше французом, чем русским⁷.

Во время этих поездок они восстановили контакт не только с родными, но и с давними знакомыми. Потом отец с увлечением рассказывал своим французским друзьям целый ворох анекдотов из советской жизни, имевших большой успех.

Начиная с 60-х годов выставки следуют одна за другой, как во Франции, так и за рубежом: Англия, Швейцария, Германия, Дания, Италия, Люксембург. Самой прекрасной из состоявшихся при жизни отца была ретроспективная выставка в Музее современного искусства города Парижа в декабре 1976 — январе 1977 года.

Поэт Пьер Эммануэль писал тогда:

Леон Зак полон света, со светом соотносится его сознание. Все его искусство идентифицируется со светом и смещением. Вот уже тридцать лет мы сопровождаем Зака в его меняющемся творческом пути, пути эволюции духа и красок, нежной и прозрачной вибрации которых предшествовали синие тона Сезанна, их он превращает в реальность. Для тех, кто способен воспринимать Леона Зака, его произведения меняют видение вещей. Они очищают и обновляют взгляд. Они прибавляют свет даже к свету, который их породил⁸.

Л. Зак.
Портрет художника Шехтеля

Я не знаю, с какого времени у отца появилось желание расписывать церкви. Может быть, после знакомства с фресками великих итальянских художников. Во всяком случае уже в 30-е годы он сделал несколько проектов росписи, которые не были осуществлены. И только значительно позже, после войны, в 1950 году у него появилась возможность их реализовать. Вначале это был "Крестный путь" для церкви в Карсаке, затем, в 1955 году, витражи для часовни Нотр-Дам-де-Повр в Исси-ле-Мулино около Парижа. Они были очень благосклонно приняты.

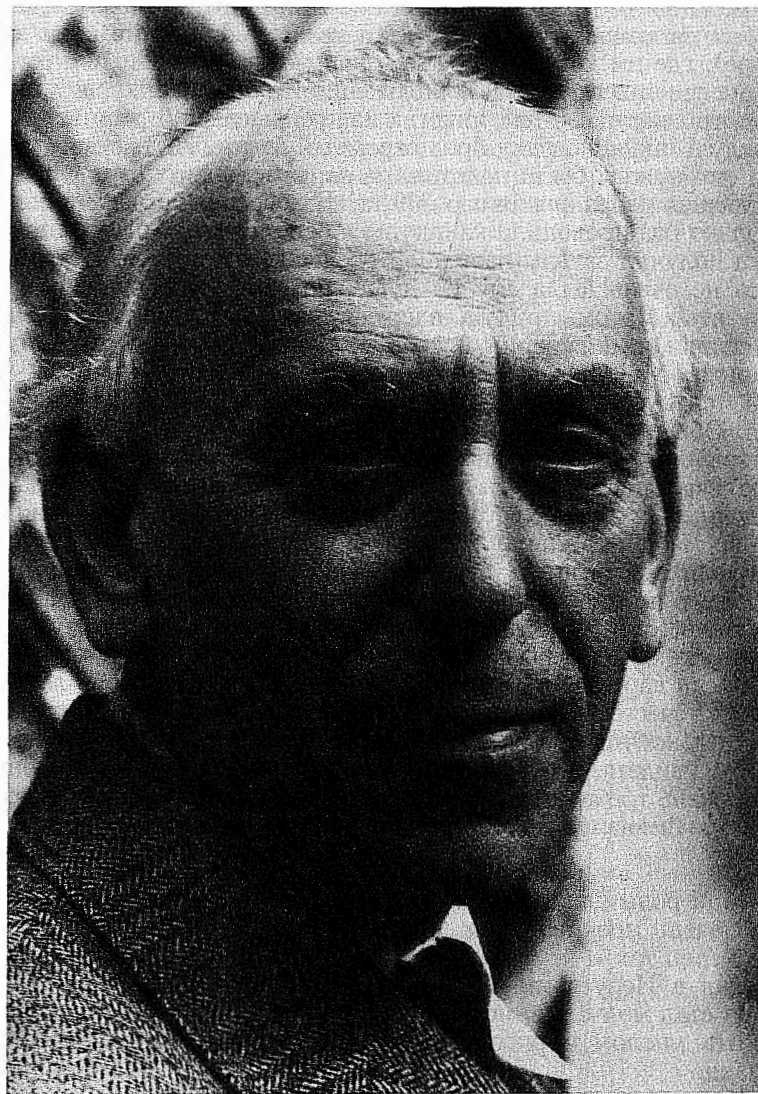
"...Это одна из радостей моей жизни – знать, что в часовнях и церквях этой страны останется что-то мое". После этого первого успеха он задумывает витражи для более чем тридцати церквей, шпалеры, гравюрует каменные плиты и т.д.

Кроме живописных работ отец сделал очень много иллюстраций. Еще до войны он рисовал "на полях" в книгах Бодлера, Малларме, Верлена, а позднее – некоторых современников, в их числе Поля Валери и Пьера Эммануэля. Потом последовали библиографические издания: "Федра" Расина (в каждом томе десять оригинальных рисунков), "Жюлье" Робера Гарнье, "Трагики" Агриппа д'Обинье.

Отец много читал, больше всего он интересовался философией. Он любил читать вслух, и это у него получалось очень хорошо. Помню, как он читал Жуковского, конечно, Пушкина и еще Гоголя. Он никогда не переставал писать стихи. Свои маленькие записные книжки он чаще всего доставал в предвечерние или вечерние часы после рабочего дня в своем ателье.

Потом он взялся переводить стихи, с моей помощью, на французский. Они стали публиковаться только в начале 70-х годов в Мюнхене, в издательстве Вильгельма Финка, где вышла антология стихов отца, принесящая ему большое удовлетворение. За ней последовали многие другие – как на русском, так и на французском. Стихи, опубликованные в швейцарском издательстве Ф.Лафранка, вышли с иллюстрациями Леона Зака, но под именем Мишеля Россианского – псевдоним отца до 1914 года, к большому удивлению друзей, не знавших, что речь идет об одном и том же человеке.

После второй мировой войны в число наших друзей вошли новые люди: коллекционер картин русско-еврейских художников Парижской школы Борис Физ, скульптор Марек Шварц, аббат Глазберг, организовавший бюро социальной помощи для беженцев. По мере интеграции отца во французском обществе у него появлялось все больше и больше французских друзей, особенно в художественной среде.

Л. Зак. 1952 г.

Каждый год родители, особенно мать, с нетерпением ждали, когда можно будет уехать в деревню (обычно это было в июле), где им хотелось побыть как можно больше. Мы были на привилегированном положении – наши каникулы длились три месяца! Отец, никогда не прекращавший работать, в каждую такую поездку брал огромный багаж. И действительно, ему нужны были полотна, рамы, краски, мольберт и т.п. Однажды набралось около 200 кг! В довоенные годы мы несколько раз проводили каникулы в бельгийских Арденах, где отец получил заказы настенной росписи и портретов. Эта работа не очень была ему по душе, но семью-то нужно было кормить! Потом пришла очередь юга Франции, Кадакеса (Испания), Швейцарии и снова Франции, на этот раз близ Парижа. Мой брат с семьей иногда присоединялся к нам.

Отец очень любил прогулки: красивый пейзаж его радовал. Обычно мы выходили в предвечерние часы, когда он заканчивал свою работу и спадала жара. Это были удивительные, счастливые минуты. Иногда за нами увязывались собака и кошка, которых мы "усыновляли" – настоящая процессия. Во время таких каникул у отца не было своего ателье, и ему приходилось работать в гараже, конюшне, амбаре: он почти ко всему приспособлялся. Впрочем, обладателем настоящего ателье отец стал лишь в 1972 году, да и тогда оно было очень мало. Я отсылавала свою скульптуру на первом этаже, он писал картины на втором. Нас связывала внутренняя лестница, и частенько я поднималась к отцу, чтобы посмотреть его только что законченную работу, а он спускался ко мне, чтобы увидеть, что делала я, и дать совет-другой; иногда он был очень требовательным критиком, но каким счастьем было наше взаимопонимание!

Мои родители прожили вместе около шестидесяти лет, это был очень прочный брак. После смерти моей матери в 1976 году отец так и не смог преодолеть горе. В память о маме он поехал в Иерусалим – она всегда мечтала о такой поездке. Отец стал молчалив, исчезла его веселость. Но он продолжал писать маслом и рисовать почти до последнего дня своей жизни.

К концу жизни отец приобрел известность, особенно после ретроспективы в Музее современного искусства Парижа в 1976 году. Умер отец в 1980 году. После его смерти было еще несколько выставок, наилучшая из которых – в Зале Корде-

лье в 1992 году, организованная парижской мэрией. Появились работы, посвященные его творчеству, в их числе – систематический каталог произведений живописи.

Рукописи стихов отца мы с братом передали на хранение в Библиотеку филологического факультета Иерусалимского университета (отделение славянских исследований). Мы надеемся, что ретроспективные экспозиции работ отца можно будет организовать в других странах, особенно в России и Израиле.

Примечания

1. Monique Hervouet-Zeiber, *l'Idée picturale dans la poésie futuriste russe*, thèse dactylographiée. Département d'études russes et slaves, McGill University, Toronto, Ontario, Canada, 1980.
2. Préface de Roman Jakobson a Léon Zack, *Des Perles aux aigles*, Éditions Saint-Germain-des-Prés, Paris, 1975.
3. Paul Fierens, *Beaux-Arts*, Paris, 8 décembre, 1933.
4. Pierre Mornand. Léon Zack, *le maître des visages énigmatiques*, le Courrier graphique, N6, Paris, 1937.
5. *Témoignage chrétien*, 1 décembre, 1961.
6. Léon Zack, *préface au catalogue*. Galerie Manteau, Bruxelles, 1948.
7. *Témoignage chrétien*, 1 décembre, 1961.
8. Pierre Emmanuel, *preface au catalogue*. Galerie Noëlla Gest, Saint-Rémy-de-Provence, 1975.
9. *Témoignage chrétien*, 1 décembre, 1961.

Библиография

1. P.Courthion: Léon Zack, *Le Musée de Poche*, Georges Fall, Paris, 1961.
2. P.Courthion, B. Dorival, J.Grenier: Léon Zack, *Le Musée de Poche*, nouvelle édition, revue et modifiée. Paris, 1976.
3. C.Perrin, *Penser l'art de Léon Zack*, L'Age d'Homme, Lausanne, 1984.
4. J.-M. Dunoyer, Léon Zack, *Éditions de la Différence*, Paris, 1989.
5. J.-M. Maulpoix, Léon Zack ou l'instinct de ciel, *Éditions de la Différence*, Paris, 1990.
6. A.Pizerra, Léon Zack, collection L'Autre Musée, *Éditions de la Différence*, Paris, 1991.
7. P.Cabanne, Léon Zack, *Catalogue Raisonné*, Les Éditions de l'Amateur, Paris, 1993.

* * *

По нашей просьбе Ирина Львовна передала для публикации сохранившееся письмо отца к Семену Франку, которое мы печатаем в качестве приложения к ее воспоминаниям.

Редакция

Л. В. Зак — С. Л. Франку

V^d de Port Royal
Paris 13^e

Париж, 28 декабря 1928

Дорогой мой Сеничка!

Поздравляю тебя и Таню¹ и всех вас с Новым годом. Дай Бог, чтобы в 29-м году вам жилось легче, чем в этом! Я ужасно виноват перед тобой, что не ответил тебе тогда на письмо и не поблагодарил тебя за карточку и за статью. Но и с тобой ведь так случается, что долго не отвечаешь, так что надеюсь, что ты простишь мне. Очень трудно писать, когда очень мало хорошего можешь сообщить о себе — одни жалобы. Одно время носился с всякими философскими мыслями и очень хотелось с тобой ими поделиться, а теперь так заматался и так перегружен заботами и дурацкими делами, что совсем уже не до философии! У нас эта зима особенно тяжелая в материальном отношении. Никаких крупных заказов у меня нет, почти ежедневно приходится думать о том, где раздобыть (вернее, занять) денег на завтрашний день. Я даже поступил на службу — вот уже 3 недели как я служу в "Primavera" — декоративном отделе "Printemps". Я работаю там весь день и получаю за это пока только 800 фр. в месяц, должно быть скоро дойду до 1000. Но так как такой заработок очень мало помогает мне, то я ищу другой службы. Пока я еще не сдаюсь — ищу службу такую, чтобы непременно оставалось несколько часов в день свободных для занятий живописью. Но хуже всего то, что я сейчас как-то и живописью своей не доволен, что-то у меня не клеится, и тут-то я совсем впадаю в мрачность. Что в нашей жизни отраднее, так это то, что Вася² как будто-бы ведет себя в этом году лучше, чем в прошлом — пока еще (тьфу, тьфу!) у него не было нарывов в ушах. Мне доставили большое удовольствие твои статьи о Рильке³. Странно то, что когда я читаю о каких-нибудь мистических идеях, то мне всегда кажется, что все это я сам давно знал и давно продумал. Так и с твоей статьей о Рильке — ты говоришь в ней о вещах бесконечно мне близких и знакомых, видно я по природе своей мистик, и не даром про мою живопись французы почти всегда пишут с некоторым неудовольствием, что она мистична. Я совсем ничего не знаю о том, что делается у вас. Как вы все живете? Каковы финансы? Как твое, Сеничка, настроение?

Какая великая вещь живопись! Какие-то мазочки на квадратной поверхности холста, какие-то клинышки и черточки, а тут все, все — жизнь, религия, философия, и главное, погружение в первобытную стихию, подчинение законам божественного беззакония, отказ от

личности и совершенное подчинение себя Богу. Ведь чему учились в искусстве? Композиции, изображению предметов, гармонии красок? Если и учились всему этому когда-нибудь, то высшая наука заключается в том, чтобы суметь забыть все это, очистить душу от всего лукавого, бросаться прямо в волны какого-то моря, которое больше твоей души, которое ее в себя вмещает, отдаться этим волнам — и не утонуть! Тебе может показаться странным все это по отношению к живописи, потому что ты, быть может, совсем иначе себе представляешь художественное творчество, но мне кажется, я даже уверен, что волны творчества таковы, что и философы должны переживать то же самое. Из всего этого совсем не следует, что я пишу хорошие картины, что я собой очень доволен. Совсем нет! Но только радость творчества есть для меня залог будущих удач!

Материально нам живется сейчас сносно, хотя не совсем хватает моим, что я зарабатываю. Я работаю в кинематографе⁴, в театре (для Романова⁵) служу в ателье по раскройке материй, так что у меня две службы и еще отдельные заказы.

Главный мой доход — кинематограф — я боюсь, что не долго еще придется служить там, но все же не потерял еще надежды... (неразборчиво) и суметь сохранить эту службу. Дети здоровы, Надя⁶ сравнительно молодцом, устроились мы теперь на собственной квартире. Дай Бог, чтобы все было дальше более или менее благополучно!

А что у тебя, Сеничка, слышно? Как вы живете? В Париж не собираетесь? Очень хотелось бы повидать тебя, я очень часто очень скучаю по тебе. Были ли у тебя письма от Миши⁷? Как здоровье Тани, как дети поживают?

Напиши мне, Сеничка, как-нибудь, не сердись, что я долго так не писал тебе! Я скажу Наде, что написал тебе, так что пиши просто мне по моему адресу:

7, rue Jules Breton Paris 13^e. Целую крепко тебя, Таню и детей.

Крепко обнимаю тебя! Не сердись!

Твой Лева

Примечания

1. Татьяна Сергеевна Франк (урожд. Барцева), жена С.Л.Франка.
2. Василий — сын Л.В.Зака.
3. Райнер Мария Рильке (1875-1926), австрийский поэт. Ведущая тема — преодоление одиночества через любовь к людям и слияние с природой. Для Рильке характерны философская символика, музыкальность и пластичность. Был связан с представителями русской культуры (Л.Н.Толстой, Л. и Б.Пастернаки, М.Цветаева).
4. Речь идет о подготовке фильма Абея Ганса "Наполеон", съемки которого не были завершены.
5. Борис Георгиевич Романов (1891-1957), танцовщик, хореограф, педагог. В эмиграции возглавлял Русский Романтический театр (1922-1926), работал в театрах Буэнос-Айреса, Парижа, Милана, Рима. С 1938 г. — главный балетмейстер Метрополитен-опера (Нью-Йорк).
6. Надежда Александровна Браудо — жена Л.В.Зака.
7. Михаил Франк, брат С.Л.Франка, математик, остался в России.